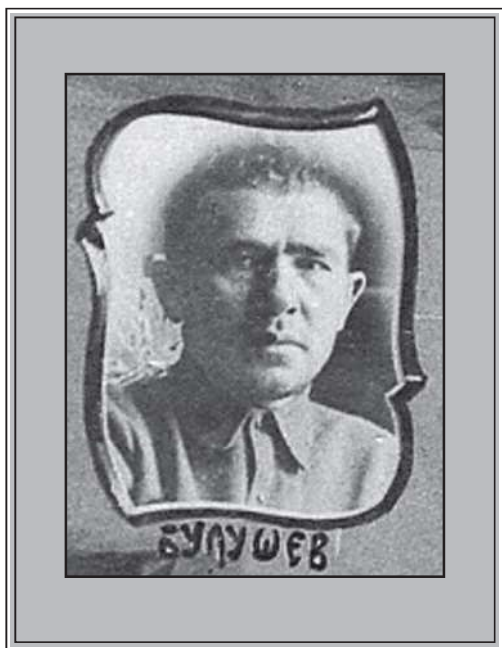

«Я был верным сыном партии...»

(З. Х. Булушов)

Речь идет о рядовом рабочем-шахтере Донбасса Зайнулле Хасяновиче Булушове. Он родился в 1886 г. в Донской области в имении помещиков Левашевых. Отец — бедняк из Тамбовской губернии.

З. Х. Булушов участвовал в революции 1905-1907 гг., затем революции 1917 г. и Гражданской войне. Вот строки из его автобиографии: «С 1903 г[ода] я работал шахтером в районах Донбасса (Шахтинском, Чистяковском, Горловском, Лозово-Павловском и др.). Воспитывался на революционных тра-

дициях рабочего класса,.. принимал участие в рабочем движении,.. в привлечении татарских шахтеров в общее русло революционной борьбы русского пролетариата»*.

Особенно активную деятельность Булушов развернул после Февральской революции 1917 г., ведя борьбу за создание и укрепление рабочих профессиональных организаций, за большевизацию Совета рабочих депутатов. Избирался также председателем исполкома татарских рабочих организаций Донецко-Криворожского бассейна и Юга России. Он был также избран членом президиума исполкома Совета рабочих депутатов Чистяковского горного района.

Зайнулла Булушов — активный участник всех мусульманских съездов 1917 г. В 1918 г. он занимался привлечением рабочих-татар в милицию, в вооруженные рабочие отряды для защиты завоеваний Октября. В сентябре 1918 г., защищая Царицын, был контужен и эвакуирован в с. Татаршино Тамбовской губернии.

В 1920-е гг. З. Х. Булушов занимал ответственные посты и выполнял особые поручения ЦК партии, Наркомнаца и даже лично В. И. Ленина. На Донбассе он как представитель Наркомнаца работал инструктором-организатором. Потом был направлен в Татарию. Здесь находился на должности заместителя прокурора, затем прокурора республики. В 1927 г. был направлен ЦК партии в Азербайджан, а в 1928 г. — в Киргизию. Находясь в Средней Азии, он во-

* ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 583, л. 21.

шел в конфликт с крупными партийными руководителями. Булушов их критиковал за недостаточно внимательное отношение к интересам рабочих и крестьян.

Вскоре был направлен на учебу на финансово-банковские курсы в Москве, но уже в 1930 г. арестован Восточным отделом ОГПУ. З. Х. Булушов был обвинен в султан-галеевщине, национализме, в принадлежности к «правым» в ТАССР. Он подписал известное «письмо 39-ти» коммунистов в ЦК ВКП(б). В написанном им 15 сентября 1956 г. письме в Контрольную комиссию ЦК содержалась просьба осудить «левых», как наносящих вред социалистическому строительству. Он был абсолютно прав, ибо тогдашние «правые» во главе с Кашафом Мухтаровым пытались

реализовать национальную политику в духе обещаний большевиков «устраивать свою жизнь самим». Известно, что правительство Кашафа Мухтарова вскоре было разогнано И. В. Сталиным.

В заключении З. Х. Булушов держался достойно. В начале его поместили в одиночную камеру, а потом с уголовниками, лишив права переписки. Через три года, после освобождения он работал на низовой работе на родине в с. Татарчино. Ввиду болезни в 1940 г. он прекратил работу, а в 1945 г. переехал к сыну в Кисловодск.

18 сентября 1956 г. на заседании Комитета партийного контроля в присутствии самого З. Х. Булушова было принято решение о его восстановлении членом КПСС. Скончался З. Х. Булушов в 1965 г. в г. Одессе.

Члены областного комитета РКП(б) ТССР, избранные 7-ой областной партийной конференцией. З. Х. Булушов третий ряд, третий слева. 1923 г. ЦГА ИПД РТ, инв. № 30.

№ 1. Заявление З. Х. Булушова секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву

31 июля 1955 г.

Секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу быв[шего] члена КПСС с марта 1917 г. Булушева Зейнулла Хасяновича* заявление.

Я родился в 1886 году в Донской области в имении помещиков Левашовых в батрацкой семье: отец бедняк из быв[шей] Тамбовской губернии, работал у помещика чабаном, а мать — кухаркой. С 1903 г[ода] я работаю шахтером в районах Донбасса (Шахтинском, Чистяковском, Горловском, Лозово-Павловском и др.).

Коммунистическая партия, созданная великим Лениным, организовала и возглавила освободительную борьбу трудящихся всех народов России против самодержавного строя и капиталистического ига, сплачивая их вокруг революционного русского пролетариата. Находясь в рабочей массе, учился и воспитывался на революционных традициях рабочего класса, в ходе классовых боев, особенно первой русской революции 1905-1907 гг., постепенно получил идейную закалку, проникся классовой ненавистью к существовавшему строю. По мере роста классового самосознания под руководством большевистских организаций я принимал участие в рабочем движении в районах Донбасса, в привлечении татарских шахтеров в общее русло революционной борьбы русского пролетариата против самодержавия и капитализма. В своей работе руководствовался указаниями партии в том, что цель классовой борьбы всех национальностей едина и нераздельна.

Особенно моя деятельность активно развернулась после Февральской революции 1917 года. Провожу организационную работу по созданию и укреплению рабочих профессиональных организации в районах Донбасса, по большевизации Советов рабочих депутатов, борясь против меньшевистско-эсеровского соглашательного влияния. Шахтерскими массами был выдвинут на руководящие выборные должности: членом президиума исполкома Совета рабочих депутатов Донецко-Криворожского бассейна, членом президиума исполкома Совета рабочих депутатов Чистяковского горного района, председателем исполкома татарских рабочих организации Донецко-Криворожского бассейна и Юга России. Эта организация находилась под руководством исполкома Донецко-Криворожского бассейна во главе с товарищем Артемом и объединяла татарские рабочие организации, созданные в 34 районах и подрайонах Донбасса и находившиеся на платформе большевистской партии. Работал по привлечению татар-шахтеров в красногвардейские рабочие отряды при подготовке к Великой Октябрьской социалистической революции и защите завоеваний Октября.

По указанию и директивам Донецкой партийной организации провел 4 съезда татарских рабочих организаций: три съезда — в период от Февраля к Октябрю, один съезд — после Октября 15/XII 1917 г[ода]. Цель съездов заключалась в мобилизации татарских рабочих и солдат, размещенных в гарнизонах в Донбассе и на Юге России, на разрешение политических задач, поставленных большевистской партией — завоевание диктатуры пролетариата, борьба против контрреволюции, борьба против татарских буржуазных националистов и их контрреволюционной военной организации «Харби шуро» и Всероссийского мусульманского Совета. Прилагаю сохранившуюся фотокопию заседания 3-го чрезвычайного съезда татарских рабочих организации Донецко-Криворожского бассейна и Юга России вместе с представителями солдатских организаций, происходившего под моим председательством в г. Харькове 25-30 сентября 1917 года. На съезде обсуждались вопросы о практическом осуществлении в жизнь** решений исторического VI[-го] съезда партии.

Исполкомом татарских рабочих организаций издавалась для рабочих масс газета на татарском языке («Дженул тавышы») (Голос юга) большевистского направления.

Как представитель татарских рабочих организаций, я выступал с разоблачением контрреволюционной политики татарской буржуазии на I[-ом] Московском Всероссийском мусульманском съезде от 8/V 1917 г[ода] и на II[-ом] Казанском Всероссийском му-

* Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе (подстрочные примечания к документам автора вступительной статьи).

** Так в документе.

сульманском съезде от 18/VII 1917 г[ода]. В казанской газете «Аваз» был помещен мой протест против постановления буржуазно-националистического съезда и обращение к трудящимся мусульманам России о непризнании постановлений этого съезда и необходимости трудящимся укреплять интернационализм.

В 1918 году при наступлении войск немецкого империализма и восставшего донецкого казачества работаю в районах Донбасса по привлечению рабочих-татар в милицию рудничных* комитетов и в вооруженные рабочие отряды районных воен[ных] рев[олюционных] штабов для защиты завоеваний Октября. Принимал непосредственное участие в вооруженных боях при отступлении армии под командованием товарища Ворошилова по линии Лихая-Царицын. Как отмечал орган Наркомнаца журнал «Красный Восток» № 2 за 1921 г[од] привлеченные мною в вооруженные отряды татары-шахтеры впоследствии после отступления и эвакуации на север, явились основным ядром созданных партий в годы Гражданской войны татаро-башкирских бригад, сыгравших в рядах Красной Армии роль в разгроме контрреволюции. Вследствие моей контузии и болезни детей, отступавших вместе со мной, я в сентябре 1918 года из Царицына был эвакуирован в село Татарщино Тамбовской области, где будучи председателем селькомбеда работал по организации деревенской бедноты, принимал активное участие как в организации боевых дружин, так и непосредственное участие в подавлении антисоветских кулацких банд в районе села Татарщино и в других волостях (некоторые сохранившиеся документы прилагаю).

В начале 1920 года Наркомнацем был направлен в Донбасс, где работал инструктором-организатором Наркомнаца, главным образом по вовлечению татарских рабочих в профсоюзы, по реэвакуации татар-шахтер из Татарии и Поволжья в Донбасс, по борьбе против остатков меньшевистского влияния в профсоюзах, постановке школьного дела и т. д. В 1920 году по директиве партийной организации провел профсоюзную конференцию в г. Луганске (ныне Ворошиловград). Доверие партии в этой работе оправдал, что было отмечено в постановлении этой конференции.

В 1921 году по назначению Наркомнаца и ВЦИКа работаю представителем Народно-го комиссариата по делам национальностей, которым руководил великий продолжатель дела В. И. Ленина И. В. Сталин, в Крыму по проведению политики партии и Советской власти по национальному вопросу, по советизации Крыма. Принимал активное участие в ликвидации в крымских горах татарских, белогвардейских банд, точно проводя в своей тяжелой работе в Крыму директивы ЦК партии и Наркомнаца. На этом участке доверие партии оправдал: постановлением коллегии Наркомнаца в октябре 1921 г[ода] моя работа была одобрена.

В 1922 году ЦК партии был направлен в Татарию, где работал зам[естителем] Наркомюста и прокурора республики, зам[естителем] председателя Татсовнархоза и управляющим татарским отделением Промбанка. В партийных характеристиках, данных райкомом, Татобкомом партии, указывалось, что в уклонах и группировках не участвовал, точно проводил генеральную линию партии.

По направлению ЦК партии с октября 1924 г[ода] по 1927 г[од] работал в Азербайджане на должности зам[естителя] управляющего Азербайджанской конторой Промбанка, а потом зам[естителя] председателя Азербайджанского сельскохозяйственного банка, председателем правления Азвинтреста. Активно боролся за генеральную линию партии, как на практической работе, так и на идеологическом фронте, давая решительный отпор троцкизму (партиячейка «Кейбирлиги», где состоял на партучете).

В 1927 году по направлению ЦК партии провел ревизию и реорганизацию Дагвин-промкомбината, где была выявлена экономическая контрреволюция, и виновники понесли суровое наказание.

В начале 1928 года ЦК партии был направлен в Киргизию, где работал председателем правления Киргизского сельскохозяйственного банка, членом правления Кредсельсоюза и председателем правления Кир[гиз]колхозцентра. В Киргизии я выступил против искривления линии партии в области сельхозкредита, проводимого быв[шим] руковод-

* Имеется в виду рудниковых.

Делегаты 4-го Съезда Советов ТССР. 17 декабря 1923 г. ЦГА ИПД РТ, инв. № 31.

ством банка и быв[шим] секретарем Киргизского обкома партии Шубриковым, разоблаченным в 1937 году. Суть этих искривлений заключалась в том, что кулацким и зажиточным хозяйствам была выдана подавляющая часть сельскохозяйственных кредитов. Директивы XV съезда о развертывании коллективизации сельского хозяйства, об оказании кредитной помощи производственной кооперации, бедноте и батрачеству игнорировались. Кредиты на развитие конепоголовья, предназначенного для Красной Армии, не доводились до получателей, в результате чего имел место большой падеж конепоголовья, чем наносился ущерб обороноспособности страны. Не стимулировалось кредитом производство технических культур, в частности хлопка, нужного стране. Кредитование батрацких, бедняцких и середняцких хозяйств киргизов было незначительным, что являлось искривлением классовой линии и национальной политики партии.

Я остро и принципиально поставил вопрос перед руководством Киргизского обкома партии, Шубриковым о необходимости немедленного исправления допущенных до меня искривлений линии партии в области сельхозкредита, о взыскании с кулацких хозяйств ранее выданных кредитов и неуклонном выполнении директив XV съезда партии. Предложения, внесенные мной, Шубриковым не были приняты. Но я не сдался, был убежден, что за линию партии надо бороться до конца. В августе 1928 года я обратился с заявлением в Политбюро ЦК партии и в копии Сред[не]азбюро ЦК (секретарем Сред[не]азбюро в то время был разоблаченный в 1937 году враг и провокатор Зеленский). В этом заявлении на основе анализа цифровых материалов показал наличие искривления классовой линии и национальной политики партии в области сельхозкредита, вскрыл причины этого, дал политическую оценку этим действиям, как контрреволюции, указал на причастность к этому делу быв[шего] руководства киргизского обкома партии Шубрикова. К сожалению, копии этого заявления у меня не сохранилось в виду изъятия при аресте. Прошу вас дать указание о розыске этого заявления в архивах ЦК партии. Из этого заявления вы увидите правдивость моих слов. Зеленский при обсуждении этого вопроса на заседании Сред[не]азбюро ЦК меня даже на заседание не вызвал, несмотря на мое требование и на то, что командированный представи-

тель Сред[не]азбюро для проверки материалов не мог опровергнуть фактов, указанных мной в заявлении.

Киргизский обком партии по предложению Шубрикова освобождает меня от занимаемой работы. Моя принципиальная борьба за соблюдение линии партии пришлось не по нутру Шубрикову и Зеленскому. В январе 1929 г[ода] Сред[не]азбюро ЦК отозвало меня из Киргизии. После непродолжительной работы в Ташкенте в системе Госбанка я по утверждению орготдела ЦК ВКП(б) был направлен на учебу в Москву на высшие финансово-банковские курсы, переименованные впоследствии в академию. В феврале 1930 г[ода] в Москве был арестован Восточным отделом ОГПУ. Мое дело вел следователь Восточного отдела некто Айзенберг. Характерно, что мой арест произвел и участвовал впоследствии и в следствии некто Алмаев, татарский националист, быв[ший] офицер, член буржуазно-националистической военной контрреволюционной организации «Харби Шуро» в 1918 г[оду], в борьбе против которой я затратил много труда и энергии.

Я был привлечен вместе с другими татарскими работниками по так наз[ываемому] делу Султан-Галиева. Следствие велось по принципу: «Знаю ли я такого человека?». В особенности следователь пытался добиться от меня о том, встречался ли я с Султан-Галиевым. Я, как было в действительности, в своих показаниях на следствии указывал о том, что Султан-Галиева знал, как и других работников по работе в Наркомнаце в 1921 году, после этого с ним не встречался. На мои требования об очной ставке с Султан-Галиевым следователь ответил отказом, ибо это свело бы на нет его надуманное ведение следствия.

Я никакого отношения к султангалиевщине, к националистическому уклону, как в годы работы в Татарии в 1922-1924 г[оды], а также последующие годы, не имел. Я считал ранее и считаю теперь Султан-Галиева буржуазным националистическим перерожденцем, врагом партии, политическим авантюристом.

Других быв[ших] татарских работников, привлеченных по этому делу и арестованных, примерно на год ранее меня, я знал в период работы в Татарии (1922-1924 г[оды]), и после выезда из Татарии я с ними не встречался. На предварительном следствии следователь ни разу ни с одним из этих работников на очные ставки меня не ставил, ибо это следствию ничего бы не дало, поскольку я с этими работниками был знаком лишь на официальной почве.

Враг народа Ягода, бывший в то время в руководстве ОГПУ, на одном из следствий, касаясь моей работы в Киргизии и поданного мной из Киргизии заявления на имя политбюро ЦК ВКП(б), сказал, что я, мол, хотел быть выше быв[шего] секретаря Киробкома Шубрикова и быв. секретаря Сред[не]азбюро Зеленского. Потом он издевательски спросил, почему я не подал это заявление в Коминтерн? На этот провокационный вопрос я ему ответил, что я, прежде всего, член ВКП(б) и обязан ставить вопрос не перед Коминтерном, а перед ЦК партии. На это он ответил, посмотрим какой ты коммунист, подождем материалы из Ташкента.

Следствие пыталось пришить мне такие дела и факты, которых я не совершал и к которым не имел никакого отношения. Мне было предъявлено обвинение в том, что я якобы был связан с пантюристскими элементами в Ташкенте в 1929 году. Для обоснования этой лжи следствием был представлен один свидетель-мальчишка, который, очевидно, был подготовлен и обработан не без участия Зеленского и его подручных из Ташкентского ОГПУ. Я с негодованием отверг этот провокационный вымысел как на следствии, а также в своем заявлении на имя ЦК из предварительного заключения летом 1930 г[ода], указав на этот недостойный прием следствия, охарактеризовав его как провокационную и наглую чушь, которым можно уверить только малолетних. На мое требование представить для очной ставки тех лиц, с которыми, я якобы был связан, следствие этих лиц представить не могло, ибо их не было.

В свете прошедших событий мне стала ясной связь между Шубриковым, Зеленским и Ягодой, их стремление оклеветать меня перед партией и расправиться со мной. Я думаю, что материалы следствия по моему делу сохранились, и Вы можете увидеть пра-

вильность настоящего заявления, необоснованность обвинений предварительного следствия.

В январе 1931 года после года предварительного заключения мне была предъявлена выписка из коллегии ОГПУ об осуждении меня на 10 лет заключения. При этом обвинительного заключения, а также постановления ЦКК об исключении меня из партии мне предъявлено не было.

Несмотря на тяжелые условия, в которые меня поставили (одиночное заключение, помещение в камеры вместе с уголовниками, лишение переписки и передач и т. д.), я не дал себя спровоцировать, твердо верил, что партийная правда восторжествует.

Считая себя невиновным перед партией, я вторично перед отправкой в лагерь в феврале 1931 года обратился в ЦК партии с заявлением, в котором отвергал предъявленные мне обвинения Восточным отделом ОГПУ. В лагерях, куда меня заключили, я держал себя с пролетарской выдержанностью, с твердой верой в партию, в ее ЦК, в то, что меня осудили неправильно, что в отношении меня играли какие-то закулисные антипартийные силы. В 1932 году из лагерей я вновь в третий раз обратился в ЦК партии с заявлением, в котором просил пересмотреть мое дело. Не знаю, попадали ли мои заявления по назначению в ЦК партии?

Ровно через 3 года после ареста, т. е. в феврале 1933 года, я был освобожден из заключения в лагерях. Как мне сообщили устно, я был освобожден в связи с пересмотром дела. После освобождения, в августе 1933 года я обратился с заявлением в ЦК и ЦКК о реабилитации меня и восстановлении в рядах партии. Потом я еще два раза в 1935 и 1936 годах обращался в ЦК с этой же просьбой, но меня не вызывали, и моя просьба не была удовлетворена.

С момента освобождения с 1933 года по 1939 год я работал в селе Татарщино Платоновского района Тамбовской области на низовой работе: членом правления и счетоводом колхоза «Иптяш Алга», потом колхоза «Кызыл шарк», принимал активное участие в организационно-хозяйственном укреплении колхоза, в общественно-политической жизни села. Находясь на низовой работе, я считал себя бойцом партии, следовал линии партии и всеми силами старался принести пользу нашему народу.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории не проживал. В июле 1941 г[ода] после вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу Родину я подал заявление в Тамбовский горвоенкомат, где проживал, с просьбой направить рядовым на фронт. Но мою просьбу не удовлетворили, сказав, что я стар.

Документы о моей деятельности, кроме низовой работы в селе в 1918-1919 г[одах], а также с 1933 г[ода] по 1939 г[од] у меня не сохранились, т[ак] к[ак] они были изъяты при аресте сотрудниками ОГПУ в 1930 году. Кроме того в Истпарт Татобкома, в ЦК КП Украины, а также в Артемовский истпарт (Донбасс) мною были переданы находившиеся у меня документы из истории революционного движения рабочего класса в Донбассе. К настоящему заявлению прилагаю часть сохранившихся документов, подтверждающих мою низовую работу.

Так сложилось мое положение, печальное для меня. У меня радуется сердце, когда вижу кругом, как расцвела наша социалистическая Родина, где последовательно, на основе марксистско-ленинской теории разрешен национальный вопрос, как крепнет нерушимая дружба народов СССР, как во главе со старшим братом — великим русским народом — под руководством Коммунистической партии все наши народы одерживают все новые победы в деле строительства коммунизма.

Я радуюсь тому, какой могучей стала наша Родина, как с каждым днем растет ее международный авторитет. Ныне Советский Союз в дружной семье стран социалистического лагеря — непобедимая сила. Все это есть результат мудрого руководства великой Коммунистической партии — организующей, направляющей и руководящей силы советского общества.

Крупнейшие мероприятия в области внутренней, внешней политики, предпринимаемые ЦК КПСС за последнее время, делают еще более могучей нашу Советскую родину — светоч для всех народов мира.

Мне сейчас 69 лет. Я многие годы своей жизни и силы отдал делу партии и народа. Я никогда не участвовал ни в каких оппозициях против партии, не имел никаких связей с контрреволюционным троцкизмом, правым уклоном, буржуазным национализмом не имел, а непрестанно боролся за генеральную линию партии. Партийных взысканий не имел.

Для меня партия была и остается самым дорогим. Я, имеющий всего трехклассное образование, пришел в партию не ради корысти, а для того, чтобы бороться за дело партии. Я только руководствовался высокой верой в партию и высоким чувством ответственности перед партией и Советской властью. Это чувство было вложено в мою душу большевистским партийным воспитанием. Хотя я очень много пережил, но я морально здоров, и я с открытой душой и с чистой совестью обращаюсь в ЦК партии с настоящим заявлением. Хотя у меня здоровья осталось мало, на склоне своих лет желаю отдать остаток своей жизни и сил на продолжение служению великим идеям ленинизма, делу партии и советского народа.

Прошу Вас, Никита Сергеевич, разрешить вопрос о восстановлении меня в рядах партии Ленина-Сталина. Я в настоящее время пенсии не получаю, потому что все документы, подтверждающие мою трудовую деятельность, были изъяты при аресте, и у меня этих документов на руках не осталось. Оставшиеся у меня документы о низовой работе в колхозе за 1933-1939 г[оды] не дают права на получение пенсии, а восстановить документы за прошлую мою деятельность не представляется возможным. Ввиду необходимости прошу Вас оказать содействие в назначении мне пенсии.

Если сочтете необходимым вызвать меня для объяснений по настоящему заявлению, я с большой радостью поеду в ЦК партии. Прошу Вас по рассмотрении заявления о результатах поставить меня в известность по адресу: Кисловодск, ул. Луначарского, дом № 6. Булушов З. Х.

Булушев З. Х. (подпись). [...]*

ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 583, л. 21-34. Копия.

№ 2. Сопроводительная записка З. Х. Булушова к заявлению

31 июля 1955 г.

Товарищи из ЦК партии!

Я был верным сыном партии, и остаюсь также преданным, как и ранее, великим идеям ленинизма.

В моей жизни случилось тяжелое горе: кознями врагов был насильственно, без оснований отторгнут от партии.

Имея возможность сейчас обратиться в ЦК с настоящим заявлением, прошу Вас внимательно прочитать написанное кровью сердца мои слова, и на основании оставшихся документов в ЦК партии, а также материалов следствия проверить правдивость моих слов.

Прошу Вас о сути моего заявления доложить товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу, если он ввиду большой занятости не будет иметь времени прочитать мое настоящее заявление.

Булушев З. Х. (подпись).

ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 583, л. 35. Копия.

Публикацию подготовил
Рамзи Валеев,
доктор исторических наук

* Далее опущен список прилагаемых документов.

